

Проблемы определения антропокультурной сложности

© П.В. Ополев

Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, Омск, 644080, Россия

Исследован феномен антропокультурной сложности, показаны его особенности и проблемы определения. Представления о сложности фундированы не только изучением природных объектов и когнитивных состояний, но и самой культурой. Характеристики сложности, сформированные в рамках естествознания и технических наук, необходимо дополнить представлениями о гуманитарной сложности. Логика познания сложности должна учитывать не только познание природы (представленное в современных науках о сложности), но и тот факт, что ее концептуализация оказывается возможной только благодаря определенному уровню развития самой культуры. Представления о сложности природы — естественной сложности — диалектически связаны с искусственной сложностью — переживанием сложности в культуре. Человек осваивает и практикует сложность задолго до ее концептуального осмысления. Обозначена специфика антропокультурной сложности на основе таких феноменов культуры, как миф, язык и искусство.

Ключевые слова: антропокультурная действительность, гуманитарная теория сложности, культура, науки о сложном, простота, сложность, усложнение, философия, человек

Сложность в культуре и сложность культуры. Мир культуры демонстрирует многообразие культурных форм. Осознание культуры как системного единства, выходящего за границы совокупности обособленных фактов, идей и принципов, является условием возможности для существования философии культуры и целого ряда других дисциплин. Философия культуры предполагает наличие внутреннего единства культуры, которое вырастает в разнообразие культурологических концепций и философских рецепций культурной действительности. Однако долгое время не предавалось значения тому обстоятельству, что философия культуры не уделяла внимания сложности самой культуры. Тезис «культура сложна» рассматривался интуитивно, считался аксиомой, не нуждающейся ни в доказательствах, ни в подробном осмыслении. Философия культуры стремилась к снятию этой сложности посредством огрубления культурной действительности. Познание культуры по частям, путем ее дробления на аналитические единицы, с одной стороны, кажется необходимым условием для ее объективного рассмотрения, но, с другой, в таком подходе игнорируется сложная природа культуры.

Вряд ли найдется хотя бы один мыслитель, который взялся бы утверждать, что культура проста. Несколько сотен определений

понятия «культура», множество концепций культуры и методов ее познания являются свидетельством отсутствия ее общезначимого понимания. Простая культура не могла бы удовлетворить многообразные человеческие потребности и не соответствовала бы сложной природе самого человека. Потребность исследователей найти за многообразием культурных фактов всеобщий и универсальный принцип, обеспечивающий культурное единство, свидетельствует о том, что культура всегда рассматривалась как нечто сложное: запутанное и весьма трудное для понимания. Следует заметить, что подобного рода сложность демонстрируют многие социогуманитарные объекты, которые не могут быть удовлетворительно описаны в рамках одной концепции.

Гипотетически возможные утверждения о простоте культуры противоречат ее природе. Никто не считал культуру чем-то простым и очевидным, впрочем, также никто долгое время и не рассматривал сложность как ее существенную характеристику. Утверждение о сложности культуры в большей степени выполняло художественно-экспрессивную функцию. Под сложностью подразумевается многообразие проявлений, своего рода фон, на котором разворачиваются различные дисциплинарные онтологии. Долгое время сложность культуры и сложность в культуре фактически не различались. Данное обстоятельство требует решения целого ряда проблем. Во-первых, что такое сложность культуры? Во-вторых, отличается ли сложность культуры от сложности природы, существует ли изоморфизм между антропокультурной действительностью и природными объектами? В-третьих, есть ли методы познания сложного в культуре? В-четвертых, каковы векторы культурного усложнения?

Проблемы определения сложности в культуре. Существующие подходы к описанию сложности фундированы достижениями естественных наук, открытиями явлений саморегуляции, ауторепродукции, гомеостаза, самоорганизации в рамках системного подхода, кибернетики, синергетики и глобального эволюционизма. В настоящее время сложность преимущественно рассматривается как свойство материальных систем, а не как социокультурный феномен. Термин «парадигма сложности» принадлежит Э. Морену, который одним из первых заговорил о всесторонних вызовах сложности, сложной идентичности [1, с. 181], необходимости выделения принципов сложного мышления и построения сложной науки [1, с. 443].

Культура сложна не только многообразным содержанием, но и уникальной сложностью, которая коррелирует со сложностью человеческой природы. Дисциплинарные онтологии дробят сложность культуры, лишая представлений о ее эмерджентных свойствах. От культуры невозможно отмыслить и самого человека. Неслучайно ее называют второй природой человека. Французский этнограф и со-

циолог Марсель Мосс в работе «Техники тела» убедительно показал, как могут быть детерминированы культурой физические действия человека (такие как ходьба, бег или плавание) [2, с. 304–326]. В работе «Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти» Марсель Мосс приводит множество примеров, когда смерть человека вызывалась воздействием сугубо культурных феноменов (магических обрядов, проклятием, нарушением табу и т. д.) [3, с. 286–303]. Следует предположить, что если культурные паттерны оказывают влияние на протекание физиологических процессов, то они неизбежно воздействуют и на представления человека о действительности.

Людей окружают сложные природные объекты, которые человек переживает посредством не менее сложных органов чувств. Как природное многообразие, так и драматургия человеческих отношений привлекают к себе внимание именно благодаря своей сложности. История культуры вообще и искусства в частности наглядно демонстрирует усложнение представлений человека о собственном внутреннем мире. В искусстве могут использоваться нарочито редуцированные художественные формы для обозначения сложного концептуального содержания (например, в рамках примитивизма). Л.Н. Богатая, размышляя о природе гуманитарной сложности, отмечает, что «человек, лишенный практик собственной сложности, обращается к изучению сложности внешней, что и венчается созданием "науки о сложном"» [4, с. 8]. Следуя этой логике, можно отметить, что науки о сложном, которые в настоящее время активно развиваются под эгидой концепций синергетического типа, являются своего рода изживанием антропокультурной сложности. Упрощение духовного мира человека, опрощение культуры оборачиваются повышенным интересом к сложности природы. С одной стороны, сложность, обнаруженная в природе и рефлекслируемая в рамках постнеклассической науки, действительно стимулировала изменения представлений о действительности. С другой стороны, происходит потеря гуманитарной проблематики, а попытка свести сложность культуры и человека к проблеме организованных множеств оборачивается операционализацией природы человека и социокультурной фрагментацией [5].

Понятие «сложность» — общеупотребительное, оно активно используется в повседневности в рамках общенаучной и философской традиции. Термин «сложность» является интуитивным, исконно присущим человеческому переживанию бытия. Во все времена именно сложность стимулировала познавательную деятельность человека. Онтологическая пропасть между бытием и его возможными описаниями позволяет констатировать, что сложность имманентна действительности, познавательному процессу и социокультурной реальности.

Проблемы сложности определяют облик современной постнеклассической рациональности. По мысли Р.И. Зекрист, «в фокусе нового миропонимания оказался класс нелинейных открытых систем и сред (подсистем), способных к самоорганизации и эволюции, в том числе социальных, гуманитарных и социокультурных систем» [6, с. 8]. Однако поиск сущностных определений сложности достаточно часто подменяется индуктивными обобщениями, многочисленными примерами процессов, которые наделяются качеством «быть сложным»: алгоритмическая сложность, информационная сложность, организационная, социальная и т. д. Это отчасти объясняется тем, что о сложности чрезвычайно трудно говорить, не привязывая ее к пространству, времени, природе, человеку, деятельности, сознанию или обществу. Сложным вполне может быть язык или творческий процесс, природа или мышление, проблема и ее последующее решение.

Способность человека выразить и описать природное многообразие оказывается не выводимой из самого факта необходимости приспособления человека к окружающей среде. В этом процессе органично сосуществуют эволюционные механизмы приспособляемости и влияние культуры. Как справедливо подметил Б.Ф. Поршнев, «возникновение понятийного мышления... невозможно объяснить в плане прямолинейного эволюционного усложнения взаимодействий между организмом и средой» [7, с. 554]. Способность разглядеть сложность природы оказывается также зависимой от сложности языка, используемых методов и технических средств. Антропокультурная сложность связана с трансформацией этического пространства, изменениями в сфере искусства. Осознание сложности природы стимулируется не только изысканиями ученых естествоиспытателей, но всей культурой, которой оказывается присуща особая рода сложность, не выводимая из изучения физико-химических свойств природных объектов. По мысли А.М. Леонова, «в культуре, как и в эволюции по Дарвину, растущая сложность символизирует эффективность деятельности, успех, направление совершенствования технологий и гарантирует процветание» [8, с. 95].

Историко-культурные особенности осмысления сложности. Антропокультурная сложность в полной мере невыводима из общенаучных представлений о сложных саморазвивающихся системах. Идеи системности бытия и его сложности являются связанными, но не тождественными. Первый внетеоретический отклик человеческого мышления на сложность окружающего бытия обнаруживается в рамках сознания, называемого первобытным. Переживание сложности предшествует сознательному принятию индивидом каких-либо теоретических установок. Так, первобытное сознание раздваивает, усложняет действительность через переживание в вещах «иного» (мана, пневма, эфир,

воздух, дыхание, жизненная сила и т. д.). Это «иное», с одной стороны, имеет объективное основание (т. е. оно в чем-то локализовано), а с другой — существует идеально. «Иное» не представляет собой теоретический концепт, вместе с тем оно психологически и онтологически усложняет бытие человека, требует от человека учитывать то, что выходит за границы его непосредственного восприятия.

Последующее развитие мифологии не только свидетельствовало об усложнении отношений человека с природой, но и оказывало существенное воздействие на эти процессы, стимулируя формирование абстрактного, а затем и метафизического мышления. А.Ф. Лосев отмечает, что в древнегреческой мифологии постепенно начинается отделение идеи вещи от самой вещи: «Раньше Афина Паллада была чем угодно; теперь же она богиня войны, художественно-технической мудрости и крепко организованной патриархальной общины. Теперь она уже не сова и не змея, но то и другое становится теперь ее атрибутом. Зевс теперь уже не просто гром и молния; он — блюститель героического правопорядка, и для него гром и молния — только атрибуты. Раньше Гефест был самым огнем и массой других предметов; теперь же он — бог огня, а огонь — только один из многих его атрибутов» [9, с. 14]. Рассуждая о природе греческой метафизики, С. А. Нижников делает значимое замечание: «Развитие мифологии шло от простого к сложному, хаотичного и дисгармоничного (титаническо-циклопического) к упорядоченному и гармоничному (олимпийскому царству Зевса), от внешнего к внутреннему, пока не достигло умо-зрительного и метафизического характера» [10, с. 24]. Метафизика, в свою очередь, вооружает человека принципиально иными средствами познания многообразия.

Полагаем, что со сложностью человек знакомится раньше, чем с системами. Как отмечает Л. Слейтер, «в том мире, где мы живем, сложные сигналы — клеточные, химические, культурные — обрушиваются на нас с такой поразительной интенсивностью, что у нас просто нет времени просеивать всю информацию и действовать обдуманно. Если бы мы попытались это делать, мы оказались бы парализованы» [11, с. 137]. Первоначально человек не воспринимает природное многообразие как системное, однако все равно вырабатывает программы для его упорядочивания и объяснения. Уже в рамках изоморфизма психической и физической реальности, мифологического мировоззрения проглядывают сложные отношения человека с бытием, которые усваиваются и осваиваются в первобытной культуре. Вряд ли первобытный человек был знаком с системами, но он точно был знаком с многочисленными опасностями и чувством неопределенности, выразив многообразие переживаний такого рода в соответствующих культурных практиках. Как замечает Б. Мали-

новский, «в постройке каноэ — предприятии, окруженном техническими сложностями, требующим организованного труда и ведущим к неизменно опасным мероприятиям, — ритуал сложен, глубоко связан с трудом и рассматривается как абсолютно необходимый» [12, с. 225]. Столкновение с неопределенностью стимулировали соответствующие культурные феномены (например, магические ритуалы), что позволяло преодолевать сложность, усматривать в вещах и действиях нечто выходящее за границы их наглядно-чувственного образа. Освоенная посредством культурных практик сложность оказывала существенное воздействие на представления человека о действительности.

Идея о том, что системные свойства антропокультурной действительности оказываются детерминированы изучением исключительно физико-химических процессов, требует переосмысления. Естественные науки открывают для себя сложность относительно недавно. Долгое время природное многообразие виделось вместилищем простых, но всеобщих законов, которые рано или поздно найдут общезначимое математическое выражение. Антропокультурная действительность в свою очередь никогда не рассматривалась как простая и очевидная, о чем свидетельствует богатство практик человеческой деятельности. Одними из первых, кто заговорил о недостатках такого рода редукционистской методологической программы в науке, были биологи, медики и химики. Благодаря достижениям биологии и медицины обнаружилось сложно организованные системы, в которых особое место занимают неколичественные характеристики природы.

В культуре неколичественные характеристики сложности (сложность как запутанность, трудность, неопределенность, опасность) тысячелетиями определяли характер человеческого существования. До-рефлексивные типы мировоззрения (например, магическое мировоззрение) погружали человека в борьбу со сложностью, которая преодолевалась посредством культурных практик. По мысли Е.М. Мелитинского, «мифология не только не сводится к удовлетворению любопытства первобытного человека, но ее познавательный пафос подчинен гармонизирующей и упорядочивающей целенаправленности, ориентирован на такой целостный подход к миру, при котором не допускаются даже малейшие элементы хаотичности, неупорядоченности. Превращение хаоса в космос составляет основной смысл мифологии, причем космос с самого начала включает ценностный, этический аспект» [13, с. 169].

В поисках антропокультурной сложности. Антропокультурная действительность обнаруживает особого рода сложность, которая не может быть удовлетворительно объяснена исходя из системных свойств природных объектов. Формирование представлений о сложности необходимо описывать как своего рода возвратно-поступа-

тельное движение, в котором не только природные объекты стимулируют выработку принципов существования сложного, но и антропокультурная действительность детерминирует модели действительности (как природной, так и социокультурной), которые могут быть рассмотрены как сложные. Со сложностью в антропокультурной действительности человек встречается гораздо раньше, чем она получает свое логико-понятийное выражение, не говоря уже о концептуально-теоретическом осмыслении в рамках соответствующих наук (теории систем, кибернетики, синергетики). Как заметил Б.Л. Уорф, «грубейший дикарь может неосознанно, без всяких усилий использовать настолько сложную и разносторонне разработанную и интеллектуально сложную языковую систему, что для описания механизмов ее функционирования нашим лучшим ученым умам требуется целая жизнь» [14, с. 117].

Облик современности повсеместно связывается с достижениями научно-технического прогресса, обнаруживая «катастрофический перекос» (Л.Н. Богатая) между естественными и гуманитарными науками [4, с. 4]. Долгое время естественные и технические науки оказывались единственными поставщиками аналогий для описания человека, общества и культуры. Как отмечает А.А. Малиновский, «общество по своей сложности и типу организации приближается к наиболее высокоразвитым организмам, без их, однако, заранее заданной ограниченности развития» [15, с. 79]. Постепенно наметились пути конвергенции, создания общего междисциплинарного пространства сосуществования наук о природе и наук о духе. Тем не менее представления о системных свойствах антропокультурной действительности по-прежнему формируются посредством изучения биологических объектов, физико-химических свойств природы в целом.

Формы проявления антропокультурной сложности. Антропокультурную реальность необходимо рассматривать как пространство встречи природного и культурного в бытии человека. В рамках современной эволюционной эпистемологии убедительно доказывается, что структуры живых организмов вообще и познавательные способности человека в частности выражают приспособительные механизмы, выработанные в ходе эволюции. Как заметил К. Лоренц, «то, что мы переживаем как опыт, — это всегда соприкосновение, взаимодействие реального в нас с тем, что реально вне нас» [16, с. 62]. Имеет место конгруэнтность между структурой мозга и структурой самой действительности. Человеческой природой задан определенный уровень естественной сложности. Как подчеркивает К. Лоренц, «дело в том, что мы способны непосредственно-эмпирически "воспринимать в качестве опыта" только то, что упрощено на "клавиатуре" нашей центральной нервной системы» [17, с. 79]. Такого рода диа-

лектика «естественной» и «искусственной» сложности причудливо раскрывается в антропокультурной действительности.

Природа, впрочем, как и человеческое сознание, интуитивно ощущаются как нечто сложное. Человек говорит: «Этот вопрос слишком сложный», «Этот выбор слишком сложен», «Эта проблема сложна», подразумевая, что ему нечего сказать или подчеркивая многообразие возможных вариантов действий, ответов или решений. Однако представления о сложности в природе оказываются также продиктованы культурными особенностями познавательного процесса и спецификой самой культуры. Представления о сложности в рамках западной и восточной культур различаются. Сложность в философии Древнего Востока рассматривается как качественное состояние, естественное проявление гармонии человека и природы. Образ созерцательной пассивности (у-вэй), в которой наблюдается единство внутренней природы человека и его действий, свидетельствует о том, что сложность рассматривается как вполне самостоятельная категория, не требующая редукции. В древнегреческой философии попытка примирить идею единого и простого космоса с его видимой сложностью и многообразием встречается в философии атомистов. В основании античного атомизма лежит идея упорядоченного, но дискретного космоса, состоящего из многообразия атомов. Можно сказать, что атомистический стиль мышления характеризует большинство философских систем Древней Греции (будь то поиск атомов или же первопричин). Атомизм как стиль мышления вырастает из реакции на сложность бытия, но при этом абсолютизирует количественные характеристики сложности. Обращает на себя внимание лингвистическая гипотеза происхождения атомизма, которая нашла отражение в философии Платона (сущность вещей может быть исследована через имена).

Западноевропейской культуре свойственно абсолютизировать противоречия. Здесь можно вспомнить философию Ф. Ницше с его аполлоническим и дионисийским началами. Хотя данные начала и прорываются из самой природы, они оказываются усвоенными именно в своей культурной форме, обуславливая представления о действительности. Фаустовская культура О. Шпенглера не является следствием развития западной цивилизации, а, скорее, ее источником, укорененным в антропокультурной действительности: «Фаустовская культура была в сильнейшей мере направлена на распространение, будь то политического, экономического или духовного характера; она преодолевала все географически-материальные границы; без всякой практической цели, лишь ради символа она старалась достичь Северного и Южного полюса; наконец, она превратила всю земную поверхность в единую колониальную область и хозяйственную систему» [18, с. 522].

В работе Дж. Микера «Комедия выживания» литературные жанры рассматриваются как ключ к пониманию западноевропейской науки и культуры в целом. Вера в превосходство человека над природой продиктована не инженерами, а искусством (в частности, литературой). Трагедия, пасторальный и комедийный жанры в литературе олицетворяют стратегии мышления и поведения в действительности. Человеческая история видится как переход от трагедии (состояния конфликта со средой) через пасторальный жанр (идеализация естественного и простого) к комедии, в которой главным героем оказывается плут. Как замечает М.В. Куликова, «плут видит хаотическую сложность общества, но не ищет простоты, а пытается приспособить себя к этой сложности, отыскивая всевозможные лазейки» [19, с. 221]. Следуя логике Дж. Микера, можно сказать, что поиск коэволюционного единства человека и природы (имеющий место в рамках современной науки) оказывается связан с разыгрываемой в природе комедией, где выживание любой ценой предпочтительнее смерти. При всей условности такого рода подхода он позволяет посмотреть на проблемы сложности со стороны ее антропокультурных проявлений. Мысль У. Шекспира «весь мир — театр, а люди в нем актеры» в таком случае может быть перенесена и на отношения человека и природы. Человек должен научиться играть по правилам природы. Долгое время эти правила упрощались посредством разного рода редукционистских методологических программ. Проблема осложняется тем, что игра должна учитывать не только правила самой природы, но и правила, которые задаются культурой и форматом «игры».

Сложность имманентна культуре, поскольку культура также оказывается заданной нередуцируемой сложностью знаково-символических систем. Культура демонстрирует сложную структуру, многообразие связей и отношений, в которых раскрывается богатство смыслов, порядков бытия. Следует также заметить, что концепт «сложность» прежде всего оказывается доступным для познания именно благодаря языковой форме своего обнаружения. Человеческий язык представляет собой уникальную, первичную знаковую систему, что позволяет ей быть источником формирования для знаковых систем второго порядка самой разной природы.

Сложность открывается именно в способности ее констатировать, выразить ее в слове и тем самым сделать ее объектом для осмысления. Языковая сложность косвенно свидетельствует о многообразии отношений человека и действительности. Многие лингвисты обращали внимание на связь лексики и деятельности человека, при которой чем более разнообразной деятельностью занимается человек, тем сложнее и многообразнее его лексика. Вместе с тем развитие языка

нельзя однозначно описать как следствие усложнения культуры. По мысли Э. Сепир, «все попытки связать отдельные типы лингвистической морфологии с определенными стадиями культурного развития тщетны... И простые, и сложные типы языка с неограниченным количеством разновидностей могут быть обнаружены на любом желаемом уровне культурного прогресса» [20, с. 234].

Антропокультурная сложность коррелирует со сложностью языка, но к ней не сводится. Сложный словарь терминов родства (который, например, встречается у аборигенов Австралии) свидетельствует о специализации культуры, а не об уровне ее системной сложности. Если некоторые виды деятельности были особенно развиты, то они нуждались в лингвистическом обрамлении. Существуют исследования, которые подтверждают, что многие древние культуры не имеют слов для описания синего цвета. Люди далеки от того, чтобы реанимировать гипотезы лингвистического релятивизма, однако, тот факт, что развитие культуры, уровень и характер ее сложности связаны со сложностью языка, считают обоснованным. Отвлекаясь от специальных лингвистических проблем, заметим, что различные виды письменности (от пиктографической до идеографической и фонетической письменности) не могут не оказывать воздействия на человеческое мышление. По мысли Ю.М. Лотмана, «рассматривая природу семиотических структур, можно сделать одно наблюдение: сложность структуры находится в прямо пропорциональной зависимости от сложности передаваемой информации. Усложнение характера информации неизбежно приводит и к усложнению используемой для ее передачи семиотической системы» [21, с. 22].

В работе «Об искусстве» Ю.М. Лотман фиксирует усложнение антропокультурной действительности под воздействием такой специализированной формы культуры, как литература. Поэтическая речь в частности и художественный текст в целом обладают «структурным родством с жизнью в природе», способны «преобразовать шум в информацию, усложнять свою структуру за счет корреляции с внешней средой» [21, с. 85]. Текст — это не только совокупность определенным образом организованной информации, но и сложная структура внетекстовых связей: «Вместе с тем текст существует на фоне многочисленных внетекстовых связей (например, эстетического задания). Поэтому структурная простота (низкая связанность) может выступать на фоне сложной структуры внетекстовых отношений, приобретая в этой связи особую смысловую наполненность (такова типологически поэзия зрелого Пушкина, Некрасова, Твардовского). Только при отсутствии сложных внетекстовых связей ослабление структурных отношений внутри текста превращается в признак примитивности, а не простоты» [21, с. 168]. Высшая форма семиотиче-

ской сложности, по мысли Ю.М. Лотмана, принадлежит художественной прозе. Качественно иной подход к организации сложности текста Ю.М. Лотман рассматривает на примере произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин», в котором эффект упрощения достигается «ценой резкого усложнения структуры текста» [21, с. 256]. В рамках каждой зрелой культуры можно обнаружить такой переломный момент, который является следствием одного и причиной другого этапа антропокультурного усложнения. Знакомство с подобными произведениями способствует усложнению духовной жизни человека, что обнаруживает петли обратной связи между сложностью духовного мира человека и сложностью культуры. Диалектическая связь усложнения текста с трансформацией медийной реальности и следствия этих процессов для антропокультурной действительности получают осмысление в работах М. Маклюэна и постмодернистов.

В поисках гуманитарной теории сложности. Человеческая история демонстрирует возрастание разнообразных видов сложности. Повсеместное усложнение хозяйственной жизни, этноконфессиональной структуры населения, стимулирующей культурную гибридизацию, умножение числа переходных идентичностей, культурных форм, тенденции глобализации и межкультурной интеграции свидетельствуют о том, что современность обнаруживает сложность качественно иного порядка. В настоящее время требуется осмысление трансдисциплинарных связей между науками [22], построение «сложностной» картины мира, «сложного мышления» [23], учитывающих природные закономерности и многообразие отношений человека с культурой. Современные науки о сложности игнорируют практики сложности, которые человек последовательно осуществлял в культуре. В результате человек отмыслил от сложности природы свою собственную сложность, что обернулось экологическим кризисом не только в сфере природы, но и в сфере духа. Построение гуманитарной концепции сложности должно способствовать переосмыслению системы ценностей, углублению представлений о сложности самого человека.

В завершение отметим ряд значимых моментов. Во-первых, сложность является вполне самостоятельным антропокультурным феноменом, который в настоящее время не может быть адекватно описан средствами «наук о сложном». Сложность повсеместно сопровождает существование человека, стимулируя оформление новых культурных и социальных практик. Во-вторых, существующие определения и подходы к сложности требуется дополнить с учетом ее антропокультурной природы. Необходимо построение гуманитарной концепции сложности. В-третьих, сложность культуры коррелирует со сложностью когнитивных особенностей и духовного мира самого

человека. Существуют обратные связи между естественной и искусственной сложностью. Антропокультурная сложность существенно воздействует на сложность, открываемую учеными в природе и используемую для описания человека и культуры. Язык, знаково-символические системы, искусство не только стимулируют сложность культуры, но и оказываются средствами, с помощью которых человек осваивает и практикует сложность, выражает стратегии отношения с природной действительностью, формируя подходы к пониманию многообразия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Морен Э. *Метод. Природа Природы*. Москва, Прогресс-Традиция, 2005, 464 с.
- [2] Мосс М. Техники тела. В кн.: *Общества. Обмен. Личность. Труд по социальной антропологии*. Москва, КДУ, 2011, с. 304–322.
- [3] Мосс М. Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти. В кн.: *Общества. Обмен. Личность. Труд по социальной антропологии*. Москва, КДУ, 2011, с. 286–303.
- [4] Богатая Л.Н. Гуманитарная сложность в контексте некоторых актуальных понятий современной культуры. *Интегративна Антропология*, 2016, № 2, с. 4–9.
- [5] Ополев П.В. Человек в условиях социокультурной сложности. *Идеи и идеалы*, 2016, № 3, т. 2, с. 20–27.
- [6] Зекрист Р.И. Синергетика социокультурной динамики. *Вестник «ОРЛЕУ» — KST*, 2017, № 3, с. 7–12.
- [7] Поршнев Б.Ф. *О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии)*. Москва, Мысль, 1974, 487 с.
- [8] Леонов А.М. *Эпистемология сложности в контексте компьютерных наук*. Дис. ... д-ра филос. наук. Якутск, 2006, 356 с.
- [9] Лосев А.Ф. *Античная мифология в ее историческом развитии*. Москва, Учпедгиз, 1957, 620 с.
- [10] Нижников С.А. *Древнегреческая метафизика: генезис и классика*. Москва, Инфра-М, 2016, 216 с.
- [11] Слейтер Л. *Открыть ящик Скиннера*. Москва, АСТ, Хранитель, 2007, 317 с.
- [12] Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. В кн.: *Антология исследований культуры. Отражение культуры*. Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 2011, с. 45–95.
- [13] Мелетинский Е.М. *Поэтика мифа*. Москва, Восточная литература, 2000, 407 с.
- [14] Уорф Б.Л. Язык, мышление, действительность. В кн.: *Антология исследований культуры. Отражение культуры*. Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 2011, с. 196–226.
- [15] Малиновский А.А. *Тектология. Теория систем. Теоретическая биология*. Москва, Эдиториал УРСС, 2000, 448 с.
- [16] Лоренц К. Кантовская концепция аргіоті в свете современной биологии. В кн.: *Эволюционная эпистемология. Антология*. Москва, Центр гуманитарных инициатив, 2012, с. 43–75.

- [17] Лоренц К. По ту сторону зеркала биологии В кн.: *Эволюционная эпистемология. Антология*. Москва, Центр гуманитарных инициатив, 2012, с. 76–110.
- [18] Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Москва, Мысль, 1998, 663 с.
- [19] Куликова М.В. Человек и природа: в поисках экологической этики. В кн.: *Наука и ценности*. Новосибирск, Наука, 1987, с. 206–224.
- [20] Хойджер Г. Соотношение языка и культуры. В кн.: *Антология исследований культуры. Отражение культуры*. Санкт-Петербург, Центр гуманитарных инициатив, 2011, с. 7–44.
- [21] Лотман Ю.М. Структура художественного текста. В кн.: *Об искусстве*. Санкт-Петербург, Искусство — СПб, 1998, с. 14–285.
- [22] Morin E. Introduction à la pensée complexe. *Natures — Sciences — Sociétés*, 1996, no. 4, pp. 250–257.
- [23] Morin E. La Besoin d'une pensée complexe. *Représentation et Complexité*. Paris, Educam (Unesco) ISSC, 1997, pp. 89–93.

Статья поступила в редакцию 27.09.2018

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Ополев П.В. Проблемы определения антропокультурной сложности. *Гуманитарный вестник*, 2018, вып. 10. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2018-10-561>

Ополев Павел Валерьевич — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия» Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. Область научных интересов — диалектика, синергетика, философия культуры, философия сложности. e-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru

Problems of determining anthropocultural complexity

© P.V. Opolev

Siberian State Automobile and Highway University, Omsk, 644080, Russia

The article discusses the study of anthropo-cultural complexity phenomenon, shows its features and problems of definition. The concepts of complexity are substantiated not only by the study of natural objects and cognitive states, but also by the culture itself. Characteristics of complexity, formed in the framework of natural and technical sciences, must be supplemented with ideas of humanitarian complexity. The logic of complexity cognition has to consider not only the cognition of nature (presented in modern sciences about complexity), but also the fact that its conceptualization is possible only due to a certain level of development of the culture itself. The ideas about the complexity of nature — natural complexity — are dialectically related to artificial complexity — the experience of complexity in culture. A person assimilates and practices complexity long before its conceptual understanding. The specific character of anthropo-cultural complexity is indicated on the basis of such cultural phenomena as myth, language and art.

Keywords: *anthropo-cultural reality, humanitarian theory of complexity, culture, complexity sciences, simplicity, complexity, complication, philosophy, man*

REFERENCES

- [1] Morin E. *La méthode. T. 1: La nature de la nature*. Paris, Éditions du Seuil Publ., 1977 [In Russ.: Morin E. *Metod. Priroda Prirody*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005, 464 p.].
- [2] Mauss M. Les techniques du corps. In: Mauss M. *Sociologie et anthropologie*. 2d ed. Paris, Presses Universitaires de France Publ., 1960, pp. 363–386 [In Russ.: Mauss M. *Tekhniki tela*. In: *Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trud po sotsialnoy antropologii*. Moscow, KDU Publ., 2011, pp. 304–322].
- [3] Mauss M. Effect physique chez l'individu de l'idée de mort suggérée par la collectivité. In: Mauss M. *Sociologie et anthropologie*. 2d ed. Paris, Presses Universitaires de France Publ., 1960, pp. 311–330 [In Russ.: Mauss M. *Fizicheskoe vozdeystvie na individa kollektivno vnushennoy mysli o smerti*. In: *Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trud po sotsialnoy antropologii*. Moscow, KDU Publ., 2011, pp. 286–303].
- [4] Bogataya L.N. *Integrativna Antropologiya — Integrative Anthropology*, 2016, no. 2 (28), pp. 4–9.
- [5] Opolev P.V. *Idei i idealy — Ideas and ideals*, 2016, vol. 2, no. 3 (29), pp. 20–27.
- [6] Zekrist R.I. *Vestnik "ØRLEU" — KST (Journal of "ØPJEV" — KST)*, 2017, no. 3 (17), pp. 7–12.
- [7] Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoy istorii (Problemy paleopsihologii)* [On the beginning of human history (Paleopsikhologiya problems)]. Moscow, Mysl Publ., 1974, 487 p.
- [8] Leonov A.M. *Epistemologiya slozhnosti v kontekste komputernykh nauk*. Diss. dokt. filos. nauk [Epistemology of complexity in the context of computer sciences. Dr. phylos. sc. diss.]. Yakutsk, 2006, 356 p.
- [9] Losev A.F. *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razviti* [Ancient mythology in its historical development]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957, 620 p.
- [10] Nizhnikov S.A. *Drevnegrecheskaya metafizika: genezis i klassika* [Ancient Greek metaphysics: genesis and classics]. Moscow, Infra-M Publ., 2016, 216 p.

- [11] Slater L. *Opening Skinner's Box*. W.W. Norton & Company Publ., 2004 [In Russ.: Slater L. Otkryt' yaschik Skinnera. Moscow, ACT, Khramitel Publ., 2007, 317 p.
- [12] Malinovsky B. Mif v primitivnoy psikhologii [Myth in primitive psychology]. In: *Antologiya issledovaniy kul'tury. Otrazhenie kul'tury* [Anthology of cultural studies. The reflection of culture]. St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2011, pp. 45–95.
- [13] Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Myth poetics]. Moscow, RAN «Vostochnaya literatura» Publ., 2000, 407 p.
- [14] Whorf B.L. *Language, Thought and Reality*, Cambridge, Massachusetts, The M.I.T. Publ., 1956 [In Russ.: Jazyk, myshlenie, deystvitelnost. In: *Antologiya issledovaniy kul'tury. Otrazhenie kul'tury*. St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2011, pp.196–226].
- [15] Malinovsky A.A. *Tektologiya. Teoriya sistem. Teoreticheskaya biologiya* [Teknology. Theory of systems. Theoretical biology]. Moscow, URSS editorial Publ., 2000, 448 p.
- [16] Lorenz K. Z. Kant's doctrine of the a priori in the light of contemporary biology. In: Evans R.I. *Konrad Lorenz: The man and his ideas*. New York, Harcourt Brace Jovanovich Publ., 1975 [In Russ.: Lorenz K. Z. Kantovskaya konceptsiya apriori v svete sovremennoy biologii. In: *Evolutsionnaya epistemologiya. Antologiya* [Evolutionary epistemology. Anthology]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012, pp. 43–75].
- [17] Lorenz K. Z. *Behind the Mirror*. London, Methuen Publ., 1977, 261 p. [In Russ.: Lorenz K. Z. Po tu storonu zerkala biologii. In: *Evolutsionnaya epistemologiya. Antologiya* [Evolutionary epistemology. Anthology]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012, pp. 76–110].
- [18] Spengler O. *The Decline of the West*. New York, Oxford UP Publ., 1991 [In Russ.: Spengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. Moscow, Mysl Publ., 1998, 663 p.].
- [19] Kulikova M.V. Chelovek i priroda: v poiskakh ekologicheskoy etiki [Man and nature: in search of ecological ethics]. In: *Nauka i Tsennosti* [Science and values]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 206–224.
- [20] Hoiyer H. *Language in culture*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1954, 286 p. [In Russ.: Hoiyer H. Sootnoshenie yazyka i kul'tury. In: *Antologiya issledovaniy kul'tury. Otrazhenie kul'tury* [Anthology of researches of culture. Reflection of culture]. St. Petersburg, Centr gumanitarnykh initsiativ, 2011, 7–44 p.].
- [21] Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta [The structure of the artistic text]. In: *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 1998, pp. 14–285.
- [22] Morin E. *Nature Sciences Sociétés*, 1996, no. 3, pp. 250–257.
- [23] Morin E. *La Besoin d'une pensée complexe. Représentation et Complexité*. Paris, UNESCO-ISSC-EDUCAM Publ., 1997, pp. 89–93.

Opolev P.V., Cand. Sc. (Philos.), Assoc. Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Siberian State Automobile and Highway academy (SibADI). Research interests: dialectics, synergetics, philosophy of culture, philosophy of complexity. e-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru